

Вячеслав ЛЮТЫЙ

НА ПЕРЕЛОМЕ

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. Работает заместителем главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премий журналов «Подъём» (2004), «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009), «Кольцовский край», «Слово-2017», «Югра» (2021) и др. Член Союза писателей России. С 2016 года – ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостинный Дворъ». Живёт в Воронеже.

Лирика воронежского поэта Сергея Попова — одно из самых сложных явлений современной отечественной поэзии. Его строки отличаются плотной образностью, причём автор порой даёт читателю только часть фигуры, которую упоминает, не проговаривая и не прописывая детали. И следом на уже сказанное наплывает новая строка, в которой названный приём может повториться, сгущая поэтическую речь и доводя её до творческой «темноты». Этим отличались многие стихотворения Мандельштама, в которых ясность сказанного имела очень ограниченные пределы, тогда как локальные тезисы или замечания на языке житейском были вполне понятны и свидетельствовали о том, что поэт — такой же человек, как и его читатель. Между тем волевые признания автора характеризуют, прежде всего, его человеческие качества и призваны завоевать доверие или признательность аудитории (О. Мандельштам: «Не своей чешуёй

шуршим, // Против шерсти мира поём»; С. Попов: «Но зато бесполезное слово // Словно пламя цвело на ветру»).

Сюжеты Сергея Попова разворачиваются не на внешней стороне мира, а будто под некоей очевидной, видимой и осязаемой коркой. И всё, что происходит с миром и человеком, становится своего рода комментарием к наглядно происходящему, которое диктует поэту словарь и интонацию — как правило, окрашенную горечью.

*если глянуть искоса и кратко
обернувшись не из-за чего
растворится горькая облатка
в кровь перемещая вещество*

*и тогда припомнит вполнакала
нехотя ожившая душа
через город речка протекала
подо льдом от холода дрожа*

*самогон варили на продажу
и пекли на маслену блины
и у недоростков патронтажу
при обмене не было цены*

*опершись на ржавые перила
по обыкновенью под хмельком
старость говорливая курила
наслаждаясь в лунке поплавком*

*и воздвигнув уличную ёлку
в гости из гостей переходя
участковый прыскал
втихомолку
возле изваяния вождя*

Зрение художника настроено так, что он видит структуру предмета и события, но полный абрис происходящего ускользает от его внимания или же не интересуется его принципиально. Казалось бы, здесь царствуют замкнутость сердца и свобода вольно льющейся речи, что никак не может привлекать человека, погрузившегося в лирическую материю Сергея Попова. Но выбор слов и построение самого высказывания обладают удивительной притягательностью — наверное, волшебство самой поэзии завораживает наш ум. На деле многое тут определяют поэтические приёмы, позволяющие стихотворцу властно овладевать слухом и внутренним зрением своего собеседника.

По существу, Сергей Попов не говорит нам о мире как о подлежащем: «что», — но пытается со всем своим редким литературным умением дать его определение — «какой?» Это свойство таится практически во всех стихах автора, и потому он выглядит больше комментатором, а не строителем. И если у Мандельштама в лирике мы часто находим сопротивление безжалостному миру, то у Попова лишь констатация горестной бесчеловечности окружающей среды.

*Стремглав слетело покрывало
тумана с крапинами звёзд.
И темноты как не бывало —
пейзаж безоблачен и прост.*

*И, прорисованный
с пристрастьем
до линий каждого листа,
он полон светом и несчастьем
себя раздаривать спроста.*

*Швырять разительные крохи
преображенья во плоти
в глаза свидетелю эпохи,
с которою не по пути.*

Наверное, не стоит сопоставлять поэтические фигуры разных эпох, каждое время диктует нам не только слова, но и собственное чувство происходящего с нами и нашей землёй. В этом — привязка поэта к родной почве. Хотя важно понимать, откуда берётся такая тяга: рождается ли она онтологически безусловно или же продиктована только грубой предметностью сегодняшней цивилизации. В названном смысле Сергей Попов — личность раздвоенная: не доверяя зову земли

в достаточной мере, он понимает одновременно, что цивилизация его обманет и предаст. Подобная «половинчатость», скупая определённости ума и сердца становятся тем фоном, на котором поэт ведёт разговор с провиденциальным собеседником, по Мандельштаму, и со своим современником, порой путая слушателя и обращаясь иной раз к самому себе.

Стихотворения Сергея Попова выглядят отчётливыми свидетельствами мировоззренческого перелома столетий, когда смешались пути, порвалась связь времён, а разница между добром и злом стала дискуссионной. И какой следующий шаг будет для нас спасительным, определит не ум и не сердце, а наша воля.

*Но устремившихся с ума
водю в решето
всевишний нежит задарма
и помнит как никто.*